

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ВОЛЬФ Е. М.

ОЦЕНОЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СООТНОШЕНИЕ ПРИЗНАКОВ
«ХОРОШО/ПЛОХО»

Система оценочных значений основана на двух основных признаках — «хорошо» и «плохо» [положительная/отрицательная оценка, + (знак плюс)/ — (знак минус)], которые представляются неразрывно связанными. В самом деле, мы спрашиваем: *Что такое хорошо и что такое плохо? Хорошо это или плохо?* или утверждаем, что нечто лучше или хуже и т. п. Противопоставленность этих признаков друг другу кажется сама собой разумеющейся; ср.: *хорошая погода/плохая погода, хороший ученик/плохой ученик, хороший поступок/плохой поступок, хорошо, что ты сказал ему об этом/плохо, что ты сказал ему об этом, он хорошо/плохо работает* и т. п. Такого рода парных сочетаний или целых высказываний можно привести много. Однако есть и случаи, когда способы обозначения хорошего и плохого в языке неизоморфны, а употребление соответствующих единиц не обнаруживает симметрии. Так, можно сказать: *Хорошо бы было, чтобы ты написал об этом статью, но *Плохо бы было, чтобы ты написал об этом статью; Лучше бы ты помолчал, но *Хуже бы ты помолчал; Его доклад крайне плох, но *Его доклад крайне хорош; Ты прекрасно (хорошо) знаешь, что надо приходить вовремя, но *Ты плохо знаешь, что надо приходить вовремя.* Эти примеры показывают, что по употреблению *хорошо* и *плохо* не образуют двух полей, «белого» и «черного», которые накладываются друг на друга. Система оценки не полностью симметрична, во многих ее фрагментах наблюдаются несоответствия, причем природа этих несоответствий позволяет поставить ряд специальных вопросов, касающихся структуры оценочных обозначений в их соотношении друг с другом.

I

Оценочные смыслы «хорошо/плохо» располагаются по шкале оценок, на которой есть зоны положительного и отрицательного. Между ними лежит зона нейтрального, где признаки «хорошо/плохо» находятся в известном равновесии. Позиция «хорошо» является исходной при оценке. Не случайно, в работах по этике исследуется в первую очередь семантика «добра», так как этические предписания связаны прежде всего с «добром», а связанные со «злом» запреты трактуются как производные от предписаний. Семантика «добра» рассматривается также в первую очередь и в работах, посвященных словам с оценочным значением [1, 2]. И здесь надо подчеркнуть важнейшее свойство оценки. Оценка предполагает ориентацию на норму и на оценочные стереотипы, т. е. на социальное представление о том, что такое хорошо и плохо для данного объекта. Так, высказывания *Его сын хорошо учится, У нас хороший номер в гостинице* понятны представителям данного социума, так как каждый из них имеет представление о том, что значит «хорошо учиться», что такое «хороший номер»: это объекты, или ситуации, отвечающие некоторым требованиям, которые предъявляет к ним социум и которые предполагает говорящий. Ср.: *Ей дали хороший номер, а она все недовольна* — в этом случае индивидуум предъявляет требования, отличные от требований социума и принадлежащего к нему говорящего.

В языке есть большой слой лексики, ориентированный на нормативное представление о мире. Существуют, например, глаголы, в пропозициональную структуру которых входит представление о норме; так, глаголы *портить, нарушать, ломать* и др. обозначают «выводить из нормального состояния»; глаголы *чинить, восстанавливать, поправлять* обозначают «возвращать к нормальному состоянию» (см. [3]). Таким образом, представление о норме заложено не только в прагматике языка, но и в его семантике; ср.: *Мы стремимся поправить это ненормальное положение*, где *поправить* включает семы «отступать от нормы в сторону плохо» и «изменить к лучшему», а *ненормальный* означает «хуже, чем норма».

Представление о норме, о стереотипных классах объектов, обладающих требуемым набором признаков, отражается в такой серии прилагательных, как *обычный, обыкновенный, нормальный, типовой, штатный* (ср. *штатная ситуация*) и др. Отклонение от нормы показывает ряд: *необыкновенный, выдающийся, замечательный, отличный, уникальный*. Эти слова сдвинуты в сторону +: если они сочетаются с именами которые сами по себе не несут оценочных сем, то они имеют знак +: *Он необыкновенный, замечательный, уникальный музыкант*. Ср., однако: *Он необыкновенный, замечательный уникальный талант* и *Он необыкновенный, замечательный, уникальный тупица* — здесь прилагательное лишь усиливает присущую имени оценочную сему, как +, так и —. Имеются и оценочные слова, которые группируются вокруг понятия «среднего», указывая на нейтральную зону на шкале. Эти слова легко сдвигаются в сторону «плохого»: *средний, посредственный, заурядный, ординарный, дюжинный, ни то, ни сё* и т. п.

Как можно видеть, оценочная шкала не любит положения равновесия, в самом ее устройстве заключена асимметрия: норма и среднее не совпадают, норма сдвинута к положительной части шкалы. На эту особенность оценки обратил в свое время внимание М. Бирвиш, предложивший ввести в компонентный анализ специальный элемент [Pol]: так, [+Pol] показывает, что для слов *хороший, красивый, здоровый* и т. п. норма сдвинута к положительной части шкалы [4]. Таким образом, хорошее состояние вещей может рассматриваться как соответствующее норме, плохое — как отклонение от нее. Это особенно заметно в глагольных конструкциях; ср.: *Как тебе работается? Хорошо, нормально, обыкновенно; Как вы себя чувствуете? Хорошо, нормально. Плохо* же всегда означает отклонение от нормы: *Как вам работается? Плохо; Как вы себя чувствуете? Плохо, *нормально*. Ср. также синонимию *хорошо, хорошенько* и *как следует: Посмотри хорошенько, посмотри как следует*, разг. *сядь хорошо, как следует*.

Связь с нормой обнаруживается в сочетаниях с глаголами, где «хорошо» усиливает семы, указывающие на нормативное положение вещей. Так, в глаголах умения усиливается сема «уметь». Ср.: *Маша хорошо умеет водить машину* и *Маша умеет водить машину* — эти фразы близки по смыслу и могут иметь общее продолжение: *с ней не страшно ездить*. Но: *Петя плохо умеет водить машину* ближе к отрицательному высказыванию *Петя не умеет водить машину*, ср. возможное продолжение: *с ним лучше не ездить*. Ср. также: *Он разбирается в этом деле; Он хорошо разбирается в этом деле* (хорошо здесь, как и в предыдущем примере, служит интенсификатором); *Он плохо разбирается в этом деле* ближе к *Он не разбирается в этом деле*. Опушение хорошо лишь снимает интенсификацию, смысл высказываний остается прежним, устранение *плохо* искажает смысл, меняя его почти на противоположный; ср.: *Он плохо разбирается в этом деле* и *Он разбирается в этом деле*. Таким образом, противопоставление «хорошо»/«плохо» при некоторых видах глаголов (*уметь, знать* и др.) сближается с противопоставлением утверждения и отрицания. Ср. еще пример: *Вася хорошо подготовился к экзамену*, это утверждение близко по смыслу к *Вася подготовился к экзамену*, а *Вася плохо подготовился к экзамену* — скорее ближе к *Вася не подготовился к экзамену*. Соответственно в первом случае наречие можно устранить с сохранением общего смысла текста (см. [5]); ср.: *Вася хорошо подготовился к экзамену* и

сдал его на отлично и *Вася* подготовился к экзамену и сдал его на отлично; *Вася* плохо подготовился к экзамену и получил двойку, но *Вася подготовился к экзамену и получил двойку. Устранение плохо в утвердительном высказывании меняет его смысл на противоположный, и для сохранения смысла контекста необходимо ввести отрицание: *Вася не подготовился к экзамену и получил двойку*.

В описанных случаях *хорошо/плохо* выражают не собственно оценочный смысл («одобрять/не одобрять», «нравиться/не нравиться»), а отношение к норме и оценочным стереотипам. Связь с нормой отражается также в употреблении слов, обозначающих отклонение от нее: *слишком, чересчур, чрезмерно* и т. п., причем оказывается, что и при положительной, и при отрицательной оценке эти слова обозначают сдвиг в сторону «плохо». Иными словами, знак + в этих случаях меняется на —, а при знаке — эти слова служат интенсификаторами: *Он слишком аккуратен* и *Он слишком неаккуратен* — и то, и другое плохо.

Асимметрия оценки усиливается, если оценочная шкала рассматривается не в статике, допускающей прямое противопоставление *хорошо/плохо*: *хороший/плохой человек, хорошо/плохо работать*, а в динамике. Движение по оценочной шкале происходит по разным параметрам. В его основе лежит сочетание социального и индивидуального, стереотипных представлений о ценностной картине мира и субъективного отношения индивидуума к соответствующему объекту, основанного на представлениях о приятном/неприятном, о том, что нравится/не нравится и т. п. Естественно, индивидуальная позиция субъекта оценки очень подвижна, так как она определяется многими частными обстоятельствами. Субъективный фактор является основой аффективных оценок. Оценки типа *великолепный, потрясающий, замечательный*, относящиеся к зоне +, и *дрянной, скверный, ужасный*, относящиеся к зоне —, не противопоставлены непосредственно друг другу. Это отражается прежде всего в том, что они не допускают классификации. Предметы и события не делятся на великолепные и не великолепные, скверные и не скверные. Любопытно, что некоторые аффективные слова нейтрализуют знаки +/—: *потрясающее событие* может быть и хорошим, и плохим; ср. также возможную сочетаемость *потрясающий* как интенсификатора со словами, имеющими оценочную сему + или —: *потрясающий умница* и *потрясающий дурак*. Аффективные слова в сочетании со словами, которые не содержат сами по себе оценочных сем, обозначают оценку со знаком +: *Он потрясающий учитель*. В экспрессивных высказываниях, где аффективность является основным семантическим свойством, возможна инверсия оценочного знака от плюса к минусу: *Хорош мальчик! В хорошенькую историю мы попали!*

Теми же свойствами, что и аффективные конструкции, обладают структуры интенсификации, которые, впрочем, часто включают аффективность как один из элементов. Интенсификация отражает движение оценки по шкале в сторону + и в сторону —; ср.: *талантливый, очень талантливый, необыкновенно талантливый* и т. п. (в зоне +) и *плохой, очень плохой, исключительно плохой* (в зоне —). Интенсификация, как и аффективность, препятствует классификации. Так, предметы и события могут делиться на плохие и хорошие, но вряд ли они делятся на очень плохие и очень хорошие.

Еще заметнее несоответствие зоны + и зоны — там, где идет речь о пределах признака. Положительные признаки во многих случаях трактуются как беспредельные, а отрицательные как предельные. Ср. ограничения на сочетаемость со словами *крайне, совершенно, абсолютно*: *Он крайне глуп* и **Он крайне умен; Он совершенно бестолков* и **Он совершенно толков; Он совершенный бездельник* и **Он совершенный трудяга; Он абсолютный болван* и **Он абсолютный умница*. Отрицательная часть шкалы подразумевает скорее всего не предел отрицательного, не присутствие глушости, бестолковости и т. п., а абсолютный нуль, отсутствие положительного признака (ума, трудолюбия и т. п.) Положительный признак здесь является как бы точкой отсчета. Наречия крайней степени могут отрицать и отношение к норме, ср: *Он совершенно здоров* и (?) *Он совершен-*

но болен. Более естественно высказывание с указанием на норму (*здоров*), чем с отклонением от нее (*болен*).

Сдвиги, о которых шла речь выше, носят модальный характер. В них сталкивается модальность оценки и аффективность как разновидность субъективных модальностей. Соответствие + и — нарушается, по-видимому, при всех взаимодействиях, где участвуют неассерторические модальности, (ср. [6]).

Как известно, оценка сочетается с другими модальностями, часто включаясь в них как обязательный элемент структуры. Так, модальность желания содержит оценочный знак плюс (+), модальность угрозы — минус (—), модальность надежды — плюс (+), модальность предостережения — минус (—) и т. п. Знак + или знак — в различных модальностях предполагают отношение к субъекту или к адресату. Так, желание содержит знак + по отношению к субъекту желая: то, что я хочу, я считаю хорошим; угроза содержит знак — для адресата: *Я тебе покажу!*; предостережение предполагает знак — для адресата с точки зрения говорящего: *Не влезай — убьют!* (влезать плохо для адресата); совет всегда предполагает знак + для адресата с точки зрения субъекта: *Я советую тебе посмотреть этот фильм.*

Ограничения на знак оценки в разных модальностях проявляются, в частности, в сочетаниях с предикатами, которые включают модальный компонент, требующий согласования по знаку. Так, *Я рад сообщить вам* предполагает сообщение со знаком +, а *Я вынужден сообщить вам* — со знаком —; *Я должен предупредить вас* — сообщение со знаком —. Поэтому нельзя сказать: **Я вынужден сообщить вам приятное известие*. Эта фраза возможна лишь в ироническом смысле. Высказывание *Я рад сообщить вам, что у вас дома беда* также содержит иронию [7].

Несоответствие знаков + и — очевидным образом проявляется в косвенных речевых актах, где оценка также взаимодействует с другими модальностями: ср.: *Хорошо было бы, чтобы он принял участие в этой работе* (косвенный акт пожелания), но **Плохо было бы, чтобы он принял участие в этой работе*. Ср., однако, *Было бы плохо, если бы он принял участие в этой работе*. В этом примере модус имеет собственно оценочный смысл, а зависимая пропозиция соотносена с фактивной: но он не принял участия. Ср. также: *Лучше бы ты ушел*, но не *Хуже бы ты ушел (см. [8]). Если в зависимой пропозиции есть отрицание, то возникают косвенные речевые акты предостережения — *Лучше всего его не беспокоить*, но не **Хуже всего его не беспокоить*; *Лучше не входить*, но не *Хуже не входить. Как можно видеть, оценка «плохо» в косвенных речевых актах такого рода не используется.

Другой вид косвенных речевых актов, с вопросом, ориентирован только на знак —. Это речевые акты упрека: *Какой дурак это сделал?* и **Какой умница это сделал?* Последняя фраза возможна лишь как ироническая, т. е. со сменой знака: *умница* приобретает знак —. Ср. также: *Какой осел это нарисовал?* В такого рода речевых актах оценочное имя с семой «плохо» предопределяет их косвенный смысл. Но ср.: *Какой художник это нарисовал?* Это прямой речевой акт (см. [9]). Восклицательные высказывания со словом *какой* имеют разный смысл в зависимости от оценки + или —: *Какой замечательный художник написал эту картину!* — одобрение, восхищение; *Какой бездарный художник написал эту картину!* — возмущение, неодобрение. Отметим, что соответствующее по форме вопросительное предложение (со сменой интонации) является прямым вопросом и относится к референту. Оценочное слово в нем входит в презумпцию и может быть опущено: *Какой замечательный (бездарный) художник написал эту картину? Это Н. Н.* (см. [10]).

Как можно видеть, при взаимодействии оценки с другими модальностями меняется оценочная ситуация в различных «возможных мирах». Оценочное обозначение относится чаще всего не к положению вещей в реальном мире, а к одному из «возможных миров», желательному или нежелательному, содержащему надежду, намерение и т. п.; иными словами, предполагающему неассерторическую модальность. При этом оценка

«плохо» гораздо теснее привязана к имеющемуся положению вещей, чем оценка «хорошо». Если «плохо» является модальным оператором, то он, как правило, подразумевает фактивность пропозиции. Таким образом, пропозиция, которая вводится союзом *чтобы*, обозначает содержание желания и сочетается только с «хорошо». Ср.: *Хорошо, чтобы ты пришел*, но не **Плохо, чтобы ты пришел*; при фактивной пропозиции с *что* можно и *Хорошо, что ты пришел* и *Плохо, что ты пришел*. Заметим, что косвенные речевые акты со знаком — типа *Какой негодяй это сделал?* также предполагают фактивность пропозиции, находящейся в презумпции высказывания.

II

Встает вопрос о том, как распределяются в языке и в речи обозначения со знаком «хорошо» и «плохо», каков «баланс» этих средств? Эта проблема почти не исследована. Имеются, однако, предположения, что обозначения плохого более дифференцированы, чем обозначения хорошего: иными словами, в языке существуют более разнообразные средства для детальной классификации плохих поступков, чем хороших, плохих черт характера, чем хороших и т. п. Такая гипотеза опирается на представления когнитивной психологии, в соответствии с которыми знания, связанные с неприятными для человека отрицательными эмоциями, болевыми ощущениями, опасностью и т. п., более дифференцированы, чем знания, имеющие положительные коннотации. Как считают психологи, человек более детально различает то, что вызывает у него дискомфорт, дифференцирует неприятные эмоции тоньше, чем приятные. Ассоциативные эксперименты показали, что слова с отрицательными семантиками объединяются в более дифференцированные подклассы, чем слова с положительными семантиками. Так, в одном из экспериментов прилагательные, обозначающие хорошие поступки, образовали один подкласс, в то время как прилагательные отрицательной оценки образовали ряд подклассов, с более подробной детализацией поступков — в первую очередь, по признакам «отрицательные свойства души»: *жестокий, злобный* и т. п. и «отрицательные свойства ума»: *лживый, коварный, корыстный* и т. п. [11]. Дифференцированное отношение к зоне плохого отражается и в оценочных контекстах, например, в таких, где появляются мотивировки; ср.: *Как ты поживаешь? Хорошо.* — диалог не требует продолжения; но *Как ты поживаешь? Плохо. А что?* — здесь скорее последует вопрос о мотивировках (см. [12]). Высказывание положительной оценки часто отражает лишь отношение говорящего к объекту, высказывание отрицательной оценки скорее предполагает необходимость дальнейших действий.

Разумеется, положительная или отрицательная направленность текста зависит от его содержания и не может использоваться для общих выводов о роли оценки. Тем не менее есть данные, показывающие, что при употреблении оценочных выражений имеется общая тенденция, направленная в сторону добра, что в паре «хорошо/плохо», *хорошо* является базисным, исходным (ср. [43]). На основе экспериментальных данных психолингвистами Дж. Буше и Ч. Осгудом была предложена гипотеза, которую они назвали «гипотезой Поллианны», по имени героини популярного в начале нашего века романа Э. Портер «Поллианна» (E. H. Porter. Pollyanna. Boston, 1912).

Гипотеза гласит, что в естественных языках существует универсальная тенденция употреблять оценочные (evaluative) слова позитивного характера [E+] чаще, разнообразнее и с большей легкостью, чем оценочные слова негативного характера [E-]. Иначе говоря, люди стараются видеть в первую очередь светлые стороны жизни и говорить о них же [14]. На основе общей гипотезы выдвигается и ряд более частных; так, предполагается, что словарь включает больше единиц типа [E+], чем [E-]. Это как будто противоречит сказанному выше о более дифференцированном обозначении «зла», чем «добра», однако эта гипотеза предполагает общее количество оценочных обозначений, а не их семантическое разнообразие. Слова [E+] употребляются чаще, чем [E-] при прочих равных условиях, сло-

ва [Е+] раньше появляются в речи детей, чем соответствующие слова [Е—]; слова [Е+] легче запоминаются и вызываются в памяти, чем слова [Е—], у слов [Е+] ниже порог узнаваемости и др. Часть этих положений подтверждена экспериментально. Но есть и другие данные, противоречащие полностью или частично приведенным выше (см. [15]). В этой связи интересно обратиться к сведениям, которые дают частотные словари. Так, в словаре французского языка [16] *bien* «хорошо» находится на 4-м порядковом месте, *bon* «хороший» — на 98-м, *beau* «красивый» — на 114-м, а *mauvais* «плохой» — лишь на 322-м, *mal* «плохо» — на 479-м. В частотном словаре английского языка [17] во всей выборке, использованной для словаря, *good* «хорошо» зафиксировано 5 343 раза, а *bad* «плохо» лишь 660 раз. Такой перепад частот объясняется, вероятно, не столько «гипотезой Поллианны», сколько разным положением оценочных слов *хорошо* и *плохо* в системе языка. Как уже говорилось, *хорошо* служит не только оценочным словом, но и указывает на норму, а также выполняет ряд других функций при модальных сдвигах, в то время как роли *плохо* значительно более ограничены (см. также [18, с. 151]). Этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

III

Особую проблему для изучения соотношения «хорошо/плохо» составляет взаимодействие этих оценок в структуре текста. Как известно, положительные и отрицательные оценки могут комбинироваться в одном высказывании. На функционирование оценки в тексте влияет ряд общих особенностей речевого поведения, и в частности законы, по которым разворачивается аргументация. Аргументация — это ведущая идея, определяющая процесс коммуникации. Она подразумевает, что включенные в текст оценки должны сохранить ориентацию, т. е. не противоречить оценочным пресуппозициям, введенным в предыдущем контексте (см. [19]). Так, нельзя сказать: **Он талантливый ученый, его работы лишены всякого смысла*. Ср. также: **Он написал великоленную книгу, такую может написать любой дурак*; эстетическая оценка со знаком + подразумевает уникальность объекта, а вторая фраза этому противоречит, вводя оценку со знаком —. Ср. также пример: *Танцоры с подъемом выступали на сцене, демонстрируя горожанам доморожденные таланты*. Отрицательные коннотации, присутствующие в слове *доморожденный*, разрушают согласование по оценке, определенное предикатом *выступать с подъемом*. Ср. еще: *Все, как мухи, выздоравливают* (Н. В. Гоголь, *Ревизор*), где несогласование по оценке определяется отрицательными коннотациями выражения *как мухи (как мухи дознут)*.

Знак оценки определяет сочетаемость некоторых глаголов с дополнениями: *Я надеюсь (знак +) на его добросовестность*, но **Я надеюсь на его недобросовестность* — высказывание возможно лишь в случае, если недобросовестность в данной ситуации имеет знак + для говорящего. Ср. также: *Я боюсь (знак —) ее хорошего отношения* (для меня оно плохо) (см. [20]).

Глагол *добиваться*, включающий семы желания и воли, подразумевает положительную оценку объекта — *добиваться победы, успеха*, глагол *потерпеть*, где действие осуществляется помимо или против воли субъекта, сочетается с именами отрицательной семантики: *потерпеть урон, поражение*. Ср. также глагол *избегать*, где присутствует волевой компонент, однако с отрицательной направленностью — этот глагол сочетается с именами отрицательной семантики. Ср.: *Они избежали поражения и добились победы*, но **Они избежали победы и добились поражения*, такая фраза может иметь лишь иронический смысл.

Рассматривая оценочную ориентацию текста, следует учитывать не только фрагменты, содержащие оценочные слова, но и так называемые квазиоценочные высказывания (см. [21]), выражающие оценку в картине мира: *Мальчик упал и сломал ногу* — здесь описывается ситуация, плохая в ценностной картине мира, но: *Нога зажала и он стал бегать как прежде* — ситуация со знаком «хорошо». Отметим, что хорошие ситуации часто

соответствуют норме (*зажить*), а плохие — отклонению от нее (*сломать*). Ср. еще пример, где оценка выражается квазиоценочными фразами. *Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку ... Боже мой, какой суп, еще ни один человек в мире не едал такого супу. Какие-то перья плавают вместо масла* (Н. В. Гоголь, Ревизор). Последняя реплика подтверждает общий знак отрывка —.

Взаимодействие оценочных знаков в контексте определяется рядом закономерностей, основанных на взаимодействии собственно-оценочных и квазиоценочных высказываний. Так, например, глаголы, включающие смысл желания (т. е. знак +), не могут сочетаться с пропозициями, отрицательными для субъекта. Ср.: *Многое делается для достижения высокого конечного результата; Нам удалось добиться коренных перемен*: понятия «высокий конечный результат», «коренные перемены» в картине мира имеют знак +, обеспечивая смысловое согласование. Соответственно, при отрицательном модусе зависимая пропозиция имеет отрицательный смысл, даже если в ней нет оценочных слов: *Вызывает тревогу положение дел на стройке*: очевидно, что положение дел на стройке — плохое.

Существуют специальные средства для ориентации текста в пределах одной оценочной зоны или для ее изменения. Так, например, модальные слова нарастания и слова обобщения (например, *всё, словом* и др.) сохраняют знак оценки: *Он был тяжело болен* (знак —) *и ему становилось все хуже, но не *ему становилось все лучше*; ср. также: *Он стал чувствовать себя неловко, неладно: точь-в-точь как будто прекрасно вычищенным сапогом вступил вдруг в грязную, вонючую лужу: словом, нехорошо, совсем нехорошо* (Н. В. Гоголь, Мертвые души). Оценочная ориентация контекста может определяться обобщающей начальной фразой; следующие за ней описания частных ситуаций сохраняют тот же знак оценки: *То был прекрасный весенний день. Природа ликovala: воробы чирикали; собаки радостно взвизгивали и виляли хвостами* (М. Е. Салтыков-Щедрин, История одного года).

Смена оценочного знака обозначается противительными союзами *а, но, и особенно зато*: *Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете, вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются* (Н. В. Гоголь, Ревизор). В приведенном примере все реплики являются квазиоценочными, текст имеет оценочный смысл. Смена знака оценки обозначается союзами. Ср. еще пример: *За зиму я растерял свои немногие знакомства, обносился очень, заболел ревматизмом и немного одичал. Но брился ежедневно* (М. Булгаков, Театральный роман). Первая группа фраз означает отклонение от нормативной картины мира, знак —, фраза после *но* соотносена с нормой, знак +. Переход от знака — к знаку + показан противительным союзом *но*. Ср.: **И брился ежедневно*, здесь связность текста нарушается. Высказывания с определенным знаком + или —, в том числе и квазиоценочные, определяют оценочную ориентацию окружающего контекста. Приведем еще примеры: *Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий (+), но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода (—) — это тоже нехорошо** (Н. В. Гоголь, Ревизор); *Оно, конечно, домашим хозяйством заводиться *всякому позволяно, и почему ж сторожу и не завести его? (+) только, знаете, в таком месте неприлично... (—) (там же)*. В приведенных примерах противительные *но* после оценочных высказываний со знаком + определяют знак — дальнейшего текста. Заметим, что при взаимодействии собственно оценки и квазиоценки один и тот же или разные оценочные знаки накладываются друг на друга, что раскрывается при перефразировках: Ср.: 1) *Они получили хорошую квартиру* и 2) *Они получили плохую квартиру*. В первом случае положительная квазиоценочная ситуация «они получили квартиру» согласуется с положительной оценкой *хорошая*: *Они получили квартиру* и *Эта квартира хороша*. Во втором случае наблюдается рассогласование по оценке: то, что они получили квартиру — хорошо, но квартира — плохая. Отсюда разные перефразировки: *Они*

получили квартиру, и притом хорошую и Они получили квартиру, но плохую. Ср. неправильность обратных построений: *Они получили квартиру, но хорошую, *Они получили квартиру и притом плохую. Существует еще множество способов оценочной ориентации текста — сохранения знака или смены его — с использованием разных лексико-синтаксических средств. Все это позволяет говорить о существовании оценочной перспективы текста, которая предполагает определенные соотношения оценочных знаков + и — в зависимости от синтаксических и семантических элементов, следующих друг за другом. Так, в приведенных примерах оценочная перспектива определяется присутствием противительного союза, от которого зависит смена знака.

Оценочная перспектива имеется и в пределах одной пропозиции, если один из элементов — субъект или предикат — содержит оценочные коннотации. Субъект с оценочным значением предполагает согласование по оценке с предикатом: *Этот негодяй (—) нас опять обманул (—)*, но ср.: (?) *Этот прекрасный человек нас опять обманул* — фраза звучит иронически; *Хороший человек (+) всегда поможет другу (+) и (?) Плохой человек (—) всегда поможет другу (+)*. Знаки оценки зависят от картины мира данного социума, которая и определяет согласование или несогласование частей.

Соотношение знаков + и — определяется также закономерностями речевого общения. Как известно, в основе процесса коммуникации в естественных языках лежит «кооперативный принцип», включающий четыре основные максимы: количества («сообщай столько, сколько необходимо»), качества («сообщай то, что требуется»), отношения («говори по делу») и способа («выражайся ясно и понятно») (см. [22]). Однако, как показали многочисленные исследования по теории коммуникации и прагматике, эти максимы часто не соблюдаются, так как наряду с «кооперативным принципом» действует «принцип вежливости», часто более сильный, чем предыдущий, который требует при прочих равных ослаблять выражения невежливых, т. е. неблагоприятных для собеседника или 3-го лица мнений и усиливать выражение благоприятных мнений [18]. Целью «принципа вежливости» является социальное равновесие и дружеский психологический настрой говорящих. Как подчеркивает Дж. Лич, вежливость по сути своей асимметрична ([18, с. 107]; см. также [23]). «Принцип вежливости» включает так называемые «максимы такта», которые, в частности, гласят, что следует минимально выражать неодобрение по отношению к собеседнику или к 3-му лицу («максима одобрения»), 2) минимально выражать одобрение самого себя («максима скромности»); 3) сводить к минимуму несогласие между собой и собеседником («максима согласия»); 4) сводить к минимуму антипатию и к максимуму симпатию между собой и собеседником («максима симпатии»). «Максимы такта» в сильной степени определяют структуру высказываний, включающих оценку. Так, например, безапелляционно высказанные мнения отрицательного характера могут вызвать нежелательный перлокутивный эффект — обиду, нарочитое непонимание и т. п. Поэтому в высказываниях со знаком —, в том числе квазиоценочных, используются разнообразные способы снижения категоричности — кванторные слова, перформативы, наречие *еще*, глаголы мнения и др. Ср. ряд примеров: *Не открою Америки, если скажу, что именно таким людям гимнастика нужна позарез* (Правда, 1985, 8 апр.); *Однако образцы высокоосознанного отношения к труду, к социалистической собственности кое-где еще соседствуют с расслабленностью, безхозяйственностью* (там же); *К сожалению, пока еще не везде созданы необходимые условия, гарантирующие полную сохранность грузов* (Аргументы и факты. 1984, 20 окт.). Способы снижения категоричности образуют особую систему, которая может быть смоделирована, составляя грамматику для негативных, точнее, критических контекстов. Это — своеобразная «грамматика неприятных сообщений», которая сдвигает отрицательную оценку к нейтральной зоне, тем самым ее ослабляя.

На сообщения, включающие знак +, также воздействует прагматическая ситуация. Как известно, успешная коммуникация предполагает строгое соблюдение ролевых статусов говорящих, и в случае, если возник-

какт перифразы, например, «хорошо», «плохо», «лучше», «хуже», например, модальность совета, как уже говорилось выше, имеет знак +: говорящий считает, что то, что он советует, хорошо для адресата; при этом, однако, адресат может предположить, что говорящий лучше него знает, что для него хорошо, а что плохо, а это создает нежелательное ролевое неравенство. Для того, чтобы уравнивать ролевые статусы, используются различные модальные выражения вроде *Я не хочу тебе советовать, но...*; *Тебе лучше знать, но...*; *Я думаю, что тебе следует...*; *На твоём месте я бы...*; косвенные речевые акты: *Лучше бы...*; модус с отрицанием: *Я не советую тебе туда ходить* вм. *Я советую тебе туда не ходить* [24] и т. п. Все эти выражения служат для уравнивания ролевых статусов, для «сохранения лица» [25]. Таким образом, очевидно, что в прагматическом аспекте оценочные знаки + и — трактуются по-разному и их соотношения становятся не прямыми. Как можно видеть, оценочные значения в языке вступают во взаимодействие с самыми разными семантическими и прагматическими категориями, которые и определяют их роль в коммуникации и их соотношение друг с другом. Субъективный фактор и неассерторические модальности способствуют возникновению асимметрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Katz J. J. Semantic theory and the meaning of «good». — Journal of philosophy, 1964, v. 61.
2. Vendler Z. The grammar of goodness. — In: Vendler Z. Linguistics in philosophy. Ithaca (N. Y.), 1967 (=Вендлер З. О слове good. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X, М., 1981).
3. Мартынова Л. Л. Семантико-синтаксическая характеристика пропозициональных структур с оценочным значением (На материале португальского языка): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1984.
4. Bierwisch M. Some semantic universals in German adjectivals. — Foundations of language, 1967, v. 3, № 1.
5. Петрова Г. В. Обязательность и факультативность оценочных наречий «хорошо/плохо» в глагольной группе. — В кн.: Структура и функционирование языка. М., 1981.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
7. Thompson H., Wright J. Speaker alignment and embedded performatives. — In: Proceedings of the 1-st annual meeting of the Berkeley linguistic society. Berkeley, 1975.
8. Арутюнова Н. Д. Сравнительная оценка ситуаций. — ИАН СЛЯ, 1983, № 4.
9. Milner J.-C. De la syntaxe à l'interprétation. Quantités, insultes, exclamations. Paris, 1978.
10. Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Семантический анализ вопросно-ответных структур со словом «какой». — ИАН СЛЯ 1984, № 5.
11. Батяшин И. З., Шустер В. А. Структура семантического пространства словесных оценок поступков. — В кн.: Приципиальные вопросы теории знаний. — Тр. по искусственному интеллекту. Тарту, 1984, с. 31.
12. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984, с. 17.
13. Николаева Т. М. Качественные прилагательные и отражение «картины мира». — В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1983.
14. Boucher J., Osgood Ch. E. The Pollyanna Hypothesis. — Journal of verbal learning and verbal behaviour, 1969, v. 8, № 1.
15. Anisfeld M., Lambert W. E. When are pleasant words learned faster than unpleasant words? — Journal of verbal learning and verbal behaviour, 1966, v. 5, № 2.
16. Juillard A. et al. Frequency dictionary of French words. The Hague — Paris, 1970.
17. Carroll J. B. Word frequency book. Boston, 1971.
18. Leech J. Principles of pragmatics. London — New York, 1983.
19. Ducrot O. Pragmatique linguistique. — In: Le langage en contexte. Etudes philosophiques et linguistiques de pragmatique. Ed. par Parret H. et al., Amsterdam, 1980.
20. Зализняк Анна А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния (на материале французского языка): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1985.
21. Вольф Е. М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывания. — ИАН СЛЯ, 1981, № 4.
22. Grice H. P. Logic and conversation. — In: Syntax and semantics, V. III ed. by Cole F., Morgan J. New York, 1975.
23. Арутюнова Н. Д., Падуцева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985, с. 27.
24. Любимов А. О. Средства выражения побуждения в современном португальском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1984.
25. Goffman E. On face — work: an analysis of ritual elements in social interaction. — In: Communication in face to face interaction. Ed. J. Laver and S. Hutcheson. Harmondsworth (Midd'x). 1972.